

Консерватизм: многогранное понятие.

Попытка описания и ограничения – поиски следов

Аннотация. Консерватизм – в отличие от традиционализма, национализма и иммобилизма, - это, прежде всего, внутренняя позиция и осознанная жизненная позиция, упорная убежденность. Подобная убежденность может относиться к правому или левому политическому флангу. Под консерватизмом, если мы не хотим указать на его отличия от традиционализма и реставрации, в первую очередь означает воззрение, уплотненное до убеждения – габитус. Действия, выводимые из подобных соображений, называются максимами. Консерватизм – это такая максима для нашей жизни: манера мыслить и действовать, которая не способна основать политическую теорию, в еще меньшей степени – создать базу и перспективу для определенной идеологии, но полезная политикам как первопричина для их действий.

Ключевые слова: понятие и термин консерватизма, консервативная идея, слабость консерватизма, консервативная революция, либеральный и национальный консерватизм, консерватизм в новое время, консерватизм в европейской и германской истории, консервативное мышление

УДК 930.1

Abstract. Conservatism – in difference to traditionalism, nationalism, and immobilism – is first of all an attitude of inner life and a reflexive way of living: the persistence with convictions. Those convictions can be left-wing or right-wing in a political sense. Conservatism, if its limits to traditionalism and restauration shall not lose its sense, primarily signifies an attitude coagulated to a conviction – a habitus. The actions deriving from these reflections by setting up a habitus, are named maxims. Conservatism is such a maxim for our life: Initially an individual and thereupon a habitual manner of thinking and acting, which is not able to establish a political theory, nor much less as a foundation and perspective for a pronounced ideology, but useful for a politician as an issue for his actions.

Key words: notion and term of conservatism, idea of conservatism, weakness of conservatism, conservative revolution, liberal and national conservatism, conservatism and modernity, conservatism in European and German history, thinking conservative

---

¹ *Бёр Кристоф* – доктор философских наук, профессор, Институт философии Высшей школы Хайлигенкройц (Вена, Австрия).

Объяснить, что мы имеем в виду, когда речь заходит о консерватизме, совсем не просто. «До сих пор нет ясности в вопросе о том, что такое консерватизм вообще», - констатировал в начале 1970-х гг. самый, пожалуй, умный представитель современного немецкого консерватизма Герд-Клаус Кальтенбруннер². В этом плане ничего не изменилось до сих пор. Многие люди, называющие себя «консерваторами», сами точно не могут сказать, что они под этим подразумевают. Зачастую речь идет лишь о недовольстве современностью, в которой видят, прежде всего, неприятные перемены и неудобные новшества. Тогда, недолго думая, говорят: «Я консерватор, я лучше все буду делать как раньше!». Но действительно ли консерватизм – это всего лишь защита прошлого перед лицом перемен? Исчерпывается ли его мотивация отрицанием новшеств, сторонники которых нередко и зачастую обманчиво драпируют их в сверкающие одежды прогресса? А может быть, консерватор – это тот человек с ясным, незамутненным взглядом, который замечает, что восхищение новым нарядом короля – как в сказке Ганса-Христиана Андерсена – в действительности ничего не значит, поскольку основано на ослеплении и самообмане?

В позднем романе Теодора Фонтане «Штехлин», построенном на диалогах и вышедшем в свет в 1898 г., сталкиваются идеи консерватизма и либерализма. Одно из действующих лиц говорит, во многом выражая позицию самого автора: «Все старое [...] мы должны любить, а жить мы должны, вообще-то, ради нового... Отгородиться от действительности – значит замуровать себя, а замуровать себя – это смерть»³.

Любить старое и жить ради нового – разве настоящий консерватор не выступает за то, чтобы любить традиции, но жить ради нового, как, очевидно, считал и такой ярый консерватор как Фонтане? В романе, кстати, главный герой, происходящий из старинного дворянского рода Дубслав фон Штехлин, которому уже много лет, проигрывает выборы в Рейхстаг как кандидат от консерваторов. И очень рад тому, что проиграл: будучи консерватором до мозга костей, он, тем не менее, не поддерживает институционально-политический консерватизм и, очевидно, сильно сомневается в том, что

---

² Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus // Rekonstruktion des Konservatismus. Freiburg im Br., 1972. S. 19ff., здесь S. 25: «До сих пор нет ясности в вопросе о том, что такое консерватизм вообще, и многие из тех, кто выдает себя за поборников этой философии и позиции, даже гордятся тем, что до сих пор не удалось найти его общепризнанного определения. Здесь царит большая неразбериха, и, как всегда при таких ценностных конфузиях, описание соответствующего понятия уже является политической декларацией, моментом борьбы партий, фракций и клик за власть, которая становится максимальной лишь тогда, когда включает в себя власть над использованием слов и тем самым над мышлением». Кальтенбруннер жил с 1939 по 2011 г.; в «неопределенности» описания понятия и размытости его контуров, о которой он писал более сорока лет назад, по сей день, очевидно, ничего не изменилось. Подробнее об источниках данного понятия и об истории слова см.: Vierhaus R. Статья «Konservativ, Konservatismus» // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 3. Stuttgart, 1982. S. 531 ff.; для справки см. также: Schrenck-Notzing C. (von) Статья «Konservatismus, konservativ» // Lexikon des Konservatismus. Graz u. Stuttgart, 1996. С. 319 и далее; см. также очень информативное эссе: Faber R. Differenzierungen im Begriff Konservatismus. Ein religionssoziologischer Versuch // Konservatismus in Geschichte und Gegenwart. Würzburg, 1991. S. 15ff.

³ Fontane Th. Der Stechlin. München, 1969. S. 279-280.

консерватизм вообще можно загнать в институциональные рамки, поскольку это скорее все же образ жизни и мышления, который никак не хочет подчиняться определенной политической программе.

Дилемма консерватизма

В этом находит свое выражение фундаментальная дилемма, которую Мартин Грайффенхаген, как представляется, верно описывает как специфическую дилемму немецкого консерватизма⁴, о котором здесь и ниже в основном пойдет речь: консерватор, стремящийся к социальной и политической эффективности – что для консерваторов уже давно не является очевидной целью⁵, хочет спасти то, что еще можно спасти, или лучше всего восстановить⁶ то, что давно прошло и в большинстве случаев, как он зачастую сам понимает, не может быть повторено. В своих бесперспективных усилиях он всегда привязан к источнику своего недовольства, то есть к ситуациям и теориям, с которыми он борется⁷, но от которых его мышление не может оторваться⁸, поскольку они остаются объектом критики и отрицания. Он настаивает на сохранении существующих или даже уже исчезнувших отношений⁹, причем не только в политическом измерении реставративной консервации, но при этом его взор

---

⁴ Идеальная история англосаксонского консерватизма, который во многом отличается от континентального консерватизма – в частности, из-за своей зачастую большей близости к либерализму, поскольку также отталкивается от индивида, – излагается в: Kirk R. *The Conservative Mind*. Chicago, 1953; о «либерально-консервативном конфликте» в американском понимании см.: *Liberalism versus Conservatism. The Continuing Debate in American Government*. N.Y., Cincinnati, Toronto u. London, 1966, особенно С. 61 и далее; в вышедшей в 1966 г. книге рассматриваются различия между либеральным и консервативным мышлением, до сих пор имеющие значение для дискуссий в США.

⁵ Стремление к эффективности уже давно характерно не для всех ведущих консерваторов; многие – как, например, Николас Гомес Давила (1913-1994) – зачастую ограничиваются литературно-философской критикой культуры; Давила отказывался от влиятельных постов и был не сильно заинтересован в распространении своих идей: Kinzel T., Gómez Dávila N. *Parteiliche verlorener Sachen*. Schnellroda, 2006. S. 130: «Гомес Давила вновь и вновь напоминает нам о том, что светский успех не может быть критерием для мышления, ориентированного на поиск истины». Ведь существует «нечто вроде благородной борьбы за доброе дело, которое обречено на гибель или кажется таковым». Аналогично следует, наверное, оценивать таких писателей как Эрнст Юнгер (по крайней мере, на закате его жизни) и Бото Штраус.

⁶ О «восстановлении» – правда, в смысле регенерации – говорит также Кирк как об одной из главных задач, которые «консервативная интеллигенция должна попытаться ... решить в этом веке» (Kirk R. *Op. cit.* S. 463): «Проблема духовной и моральной регенерации: восстановление этической системы и религиозных санкций, на которых зиждется любая достойная жизнь». Кирк обладал огромным влиянием и в значительной мере определил во второй половине XX в. развитие американского консерватизма, который, в свою очередь, оказал большое влияние на политику – в полном соответствии с оценкой самого Кирка (см. Там же. С. 15: «Теоретики больше влияют на ход событий, чем партийные вожди».

⁷ Greiffenhagen M. *Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland*. München, 1971. S. 349-350: «Но именно в этой дилемме, когда общественную ситуацию невозможно восстановить в прежнем виде, но все же продолжают размышления о происхождении и вообще смысле существования общества, консерватизм находит суть кризиса». Грайффенхаген там же (С. 347) поэтому говорит о «важнейшей индикационной функции» консерватизма.

⁸ Kondylis P. *Konservatismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang*. Stuttgart, 1986. В этом смысле Кондилис считает, что с завершением господства аристократии в Европе прекратил свое существование и настоящий консерватизм, поскольку все, что с тех пор представляется консерватизмом (Там же. С. 448), слишком глубоко пронизано волюнтаризмом и эстетизмом, характерными для модерна.

⁹ Ограничение смысла консерватизма его политико-реставративным измерением имеет место у Ханса-Герда Шумана: Schumann H. G. *„Konservatismus“ als analytischer Strukturbegriff // Konservatismus*. Königstein, 1984. С. 370 и далее, здесь прежде всего С. 381: «„Консервативный“ – это политическая деятельность, направленная на сохранение властных структур социального статус-кво, на службу которому ставятся нормы и институты, при необходимости приспособляемые к социальным переменам. «Реставративный» или даже «реакционный» – это политическая деятельность, направленная на восстановление статус-кво ante, в жертву которому приносятся существующие нормы и институты».

направлен именно на то, что на данный момент не заслуживает сохранения, что вызывает недовольство и раздражение и в то же время порождает желание его сохранить. Тот, кто критикует и отрицает, нуждается в объекте критики. И критика консерватора нередко бывает привязана к этому объекту – к «нынешней» ситуации в широком смысле слова, даже там, где он вовсе не претендует на восстановление, а лишь пытается «после катастрофы... найти в золе обожженные остатки»¹⁰.

Тот, кто предпочитает смотреть в прошлое, в большинстве случаев неважно чувствует себя в современности. В этом не было бы ничего страшного, если бы взгляд в прошлое не отвлекал консерватора – наверное, больше европейского, склонного к отступлению, чем англосаксонского, ориентированного на активное формирование общества¹¹ – от рассмотрения вопроса о том, как устранить причины недовольства, вызываемого нынешними неурядицами.

Аналогичную направленность имеет оценка слабых сторон консерватизма, которую мы находим у экономиста и философа Фридриха Августа фон Хайека – либерала, которого в англосаксонском мире, тем не менее, часто называют консерватором¹². В послесловии к фундаментальному труду «Конституция свободы» (1960) Хайек объясняет, почему консерватизм и либерализм, несмотря на то, что в европейской истории они нередко идут рука об руку и имеют немало общего, являются совершенно разными течениями¹³. Консерватизм, критикует он, не имеет собственной программы формирования общества. «Поэтому судьба консерватизма всегда состояла в том, чтобы быть влекомым по пути, который не был избран им самим. Так что прения между консерваторами и прогрессистами могут влиять лишь на скорость, но не на направление современного развития»¹⁴. Хайека это не удовлетворяет, ведь главное, по его мнению, это определение направления будущего развития. Но на это, считает Хайек, консерватизм не способен: «Поскольку он не доверяет ни абстрактным теориям,

---

¹⁰ Kirk R. Op. cit. S. 16.

¹¹ Person Jr. J. E. Russell Kirk. A Critical Biography of a Conservative Mind, Lanham, New York u. Oxford, 1999. P. 218. Так, например, Персон указывает на то, что Кирк никогда не рассматривал консерватизм как некий иммобилизм, поскольку история не знает неподвижности, но в то же время видел в нем постоянное стремление к сохранению того, что он называл „permanent things“, то есть всех тех убеждений и установок, которые по понятным причинам должны остаться после всех перемен. В этом смысле Армин Молер цитирует Альбрехта Эриха Гюнтера: «Лучшее известное нам определение консерватизма дал Альбрехт Эрих Гюнтер: он понимает «консерватизм» не как любовь к тому, что было вчера, а как жизнь на основе того, что является правильным всегда»: Mohler A. Die französische Rechte. Vom Kampf um Frankreichs Ideologienpanzer. München, 1958. S. 22-23.

¹² Хотя сам Хайек категорически не соглашался с такой оценкой, она прочно укоренилась в англосаксонской литературе. Один из патриархов консерватизма Эдмунд Бёрк в своей политической деятельности всю жизнь сохранял верность либеральной партии вигов. Соответственно Дэвид Бромвич называет Бёрка скорее „conservationist“, чем „conservative“: Bromwich D. The Intellectual Life of Edmund Burke. From the Sublime and Beautiful to American Independence. Harvard, 2014.

¹³ Hayek F. A. (von) Die Verfassung der Freiheit. Tübingen, 1971. S. 481ff; об историческом развитии консерватизма в Германии и его возникновении под влиянием Французской революции см. объемный, до сих пор сохраняющий актуальность труд Клауса Эпштайна: Epstein K. Die Ursprünge des Konservativismus in Deutschland. Der Ausgangspunkt: Die Herausforderung durch die Französische Revolution 1770-1806. Frankfurt a.M., Berlin, 1973.

¹⁴ Hayek F. A. (von) Op. cit. S. 482.

ни общим принципам, он без понимания относится к тем спонтанным силам, на которые опирается политика свободы, и в то же время он не обладает основой для выработки принципов политики»¹⁵.

Это звучит довольно безлично – и, очевидно, намеренно. Хайек идет еще дальше, жестко критикуя консерватизм и, прежде всего, свойственную ему боязнь неопределенности, которую, как правило, вызывает все незнакомое и новое: «Консерватизм боится – с его точки зрения оправданно – новых идей, поскольку не имеет собственных принципов, которые он мог бы им противопоставить; и свойственные ему недоверие к теориям и недостаток силы воображения по отношению ко всему, что еще не подтверждено опытом, лишает его оружия, необходимого в идейной борьбе»¹⁶. Дальше критика Хайека становится еще более жесткой: «В отличие от либерализма с его изначальной верой в побеждающую силу идей консерватизм ограничивает себя кругом идей, унаследованных на данный момент. И поскольку он в действительности не верит в силу аргумента, его последним прибежищем является ссылка на лучшее знание, на которое он претендует в силу своего превосходства»¹⁷. Но превосходство это зачастую фиктивное, воображаемое, нередко даже поза всезнайства, свойственная консерватизму. Мы ведь это всегда знали, – говорят тогда консерваторы. И в преддверии определенных решений со стороны консерваторов действительно часто звучат предостережения, хотя они и знают, что эти предостережения тщетны.

В конце концов, новое пробивает себе дорогу, причем регулярно. Пусть это не нравится консерваторам, но для этого есть причины. Одну из них, характерную, кстати, для самих консерваторов, Хайек подчеркивает особо, усматривая в этом один из главных изъянов консервативного мышления: этот изъян он видит в отношении к инакомыслию. Консерватор обладает – считает Хайек, который всегда активно и публично поддерживал таких политиков-консерваторов как Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган и Франц-Йозеф Штраус¹⁸ – сильными моральными убеждениями, но не имеет ни принципов, ни программы. Он не обладает принципами формирования общества, которые позволили бы ему «работать над созданием политического строя вместе с людьми, имеющими другие моральные взгляды, чем он сам, строя, при котором и те, и другие могли бы следовать своим убеждениям. Речь идет о признании таких принципов, которые позволяют сосуществовать разным ценностным системам и при

---

¹⁵ Ibid. S. 485; для многих явных консерваторов соразмерная форма мышления – это не теория, а афоризм; на примере Давила это метко разъясняет Мальте Опперманн: *Philosophie des Sündenfalls. Annäherung an den größten Aphoristiker des Zwanzigsten Jahrhunderts* // *Die Tagespost*. 17. Oktober 2015.

¹⁶ Hayek F. A. (von) Op. cit. S. 488.

¹⁷ Hayek F. A. (von) Op. cit. S. 488-489; в первую очередь это относится, наверное, к мышлению, переходящему от консерватизма к реакционности: недовольство нынешним положением тогда перерастает в восхваление прошлого, которое становится политической программой его реституции в настоящем.

¹⁸ Rhonheimer M. Warum Hayek kein Konservativer war. Ein Beitrag zur aktuellen Liberalismusdebatte. Неопубликованная рукопись, октябрь 2015.

минимуме насилия строить мирное общество. Признать такие принципы – значит быть готовыми терпеть многое из того, что нам не по душе»¹⁹.

Мое впечатление таково: своей критикой Хайек действительно вскрывает важный изъян консерватизма, не вдаваясь при этом, правда, в многослойность форм и вариантов этого образа мышления. Никак не пытаясь его дискредитировать, он, тем не менее, давит на больное место: не имея собственной концепции, консерватор пытается затормозить развитие там, где считает это нужным. Стремясь нарастить свое общественное влияние, он пытается, порой даже подобострастно²⁰, – в отличие от англосаксонского консерватизма, подчеркивающего значимость индивида – опереться на авторитет государства; от государства он ожидает, что оно использует власть и силу, чтобы сохранить и охранить прежние устои против всех сил, стремящихся к переменам. Что еще важнее: в этой роли консерватизм несамостоятелен, реактивен, зависим от других – от тех, кто продвигает новое и кому старается помешать консерватор. Быть «влекомыми», как говорит Хайек, не определяя при этом направления – такова была на самом деле судьба многих консервативных течений в истории Западной Европы.

Дискредитация немецкого консерватизма и его реанимация

Ситуация в Западной Европе, однако, изменилась в конце XIX – начале XX в. Бесперспективность попыток возродить прошлое и безвозвратно ушедшее заставила консерваторов более трезво оценить свои возможности. Они поняли, «что другие политические группы создали статус-кво, не приемлемое для них», но что в то же время «прежние порядки уже невозможно восстановить», так что им пришлось обратиться к будущему: «Теперь его взор направлен в будущее»²¹. С этим моментом связано существенное изменение самовосприятия консерваторов. Обратив взор в будущее – это означало, как сказал Артур Мёллер ван ден Брук, «желание создавать вещи, достойные сохранения»²².

Для немецкого консерватизма смена перспективы произошла в первые годы после Первой мировой войны. Возникли новые движения и течения, и некоторые из них вскоре попали – в результате поглощения, компромисса или даже добровольно, по крайней мере, в частях, считавших себя

¹⁹ Hayek F. A. (von) Op. cit. S. 486.

²⁰ О государственных традициях немецкого консерватизма см.: Klemperer K. (von) *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*. München, Wien, 1962. S. 42-43.

²¹ Mohler A. *Deutscher Konservatismus seit 1945 // Die Herausforderung der Konservativen. Absage an Illusionen*. Freiburg im Br., 1974. S. 34ff; Статья Молера – прекрасный и компактный по форме обзор послевоенного периода в истории Германии.

²² Breuer S. *Anatomie der Konservativen Revolution*. Darmstadt, 1993. S. 14. Автор замечает в связи с приведенной цитатой Мёллера: «Призывая консерваторов к тому, чтобы сначала создать условия и вещи, достойные сохранения, Мёллер не просто столкнул их с «дилеммой» (Грайфенхаген). Он скорее выдал им свидетельство о смерти. Консерватизм, суть которого не состоит в защите старого и отрицании нового и у которого, очевидно, вообще не осталось почвы, на которую можно было бы опереться, перестал быть консерватизмом, если слова обязаны сохранять хоть какой-то смысл.

национально-революционными, - в водоворот раздутого национал-социалистами революционного пафоса²³ полного преобразования общества²⁴. Подобная дискредитация затруднила возвращение консерватизма в Германию после 1945 г. Многие люди, участвовавшие в движении Сопrotивления режиму Гитлера, были убежденными, пламенными консерваторами²⁵ - прежде всего, организатор покушения на Гитлера 20 июня 1944 г. Клаус Шенк Граф фон Штауффенберг. Но при этом нельзя отрицать, что между определенными политически активными консервативными течениями Веймарской республики и деятельностью национал-социалистов было множество точек соприкосновения, вплоть до травли евреев. По окончании войны консерватизм оказался в ловушке. Тот, кто объявлял себя консерватором, после 1945 г. был вынужден долго и подробно оправдываться.

Ситуация изменилась лишь в 1970-е гг. Неожиданно консерватизм стал модной темой – и вновь мышление, действительно заслуживающее это название, попадало в ловушку. Ведь с расцветом моды на неоконсерватизм²⁶ все окунулось «в “либерально-консервативную” ночь, где все кошки серы. Все попытки... обновить немецкий консерватизм были попытками вырваться из этой каши настроений и эмоций, из этой бесконечной неразберихи»²⁷.

В Западной Европе консерватизм находится в поисках самого себя – не только сегодня, а уже давным-давно, на мой взгляд. Есть отдельные выдающиеся умы, которые следует отнести к этому типу мышления; но почти всегда, если не считать первые три десятилетия XX века, они были и остаются одиночками, многие из которых вовсе не стремятся к широкому общественному влиянию; они обращаются как литераторы, философы и публицисты к своей публике, которая, как правило, относится к категории образованных читателей и не любит громких политических заявлений. Здесь, наверное, проявляется одна из основных черт континентального консерватизма: индивидуализм его сторонников. Во всяком случае, в Германии консерватизм уже несколько десятилетий больше не является организованным политическим течением в отличие от англосаксонского пространства, где консервативные течения временами набирают немалый политический вес и – по крайней мере, в Великобритании – влияют на программу правящей партии.

²³ Подробное описание см.: Mohler A., Weissmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Ein Handbuch. Graz, 2005.

²⁴ Klemperer K. (von) Op. cit. S. 217: «В действительности произошло глубокое слияние неоконсервативного и национал-социалистического движений». Уточнение см. там же, с. 221: Реакции неоконсерваторов – имеются в виду течения, которые Молер объединяет в категории «консервативная революция» - «были очень разными». И – на мой взгляд, очень меткое замечание в итоговой главе, с. 237: «Но хотя путь консерватизма привел к национал-социализму, он же снова увел прочь от него».

²⁵ Ribhegge W. Konservative Politik in Deutschland. Von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart Darmstadt, 1989. S. 240ff.

²⁶ Немецкие неоконсерваторы 1970-80-х годов, практически не имевшие политического влияния, по важным моментам – например, в вопросах внешней политики – отличались от американских «неоконов», которые при президентах Рональде Рейгане и Джордже Буше-старшем обладали большим политическим весом.

²⁷ Mohler A. Deutscher Konservatismus seit 1945. S. 45.

Для континента же действует тезис, удачно сформулированный Клаусом фон Байме: «Ни одно понятие, связанное с политической идеологией или движением, не было столь глубоко выхолощено, как эпитет “консервативный”»²⁸. Это имеет последствия для самого понятия, которое, получая политический смысл, сразу же становится боевым лозунгом и, будучи и без того уже довольно размытым, повторяет судьбу всех боевых лозунгов, используемых при обмене ударами между сторонниками и противниками: им грозит полная утрата всякого смысла²⁹. Поэтому ситуация такова, что это понятие используют не столько сторонники консерватизма, сколько его противники, и оно является «неискоренимым» прежде всего потому, что «противники консервативных партий не могут отказаться от этого ярлыка в политических дискуссиях – как либералы, так и социалисты»³⁰.

Контур континентального консерватизма в семи смысловых признаках – попытка описать понятие

Ниже автор предпринимает попытку в семи кратких тезисах описать контуры континентального консерватизма, чтобы, таким образом, с одной стороны, более четко понять его специфику, а с другой стороны – чтобы выявить общие моменты консервативных течений³¹. Консерватизм – это многогранная система убеждений, и, наверное, не существует такого определения, с которым сразу бы согласились все, кто считают себя консерваторами. Поэтому ниже речь пойдет о признаках, которые с разной степенью значимости в каждом отдельном случае очерчивают контуры этого понятия.

I. Сначала о самом слове и его происхождении: «консервативный» значит желающий что-то сохранить, хранящий верность какому-то делу или убеждению – в смысле служения этому делу и его ценностному содержанию. При этом взор субъекта отведен от современной ситуации³².

Это изначально означает, что консерватизм – в обыденном, привычном понимании – это не теория, оправдывающая претензию на господство, не обоснование властных устремлений, эта позиция не дает повода к превосходству над другими людьми, здесь имеется в виду лишь одно: служение.

---

²⁸ Beyme K. (von) Konservatismus. Theorien des Konservatismus und Rechtsextremismus im Zeitalter der Ideologien 1789-1945. Wiesbaden, 2013. S. 273. Труд Байме – вне зависимости от сложного вопроса о том, может ли консерватизм действительно стать политической идеологией – это удачное исследование разнообразных и многослойных течений, которые в Европе объединяют под общим заголовком «консерватизм».

²⁹ Böhr Ch. Kommunikation: die politische Dimension eines Begriffs // Kommunikation in einer veränderten Welt. Theorien, Probleme, Perspektiven. Nordhausen, 2015. S. 53ff, здесь S. 60-61.

³⁰ Beyme K. (von) Op. cit. S. 274.

³¹ Этой попыткой обусловлено то обстоятельство, что автор ниже будет ссылаться на тех авторов, которые, с одной стороны, сами себя считают консерваторами, а с другой стороны, сами видят необходимость в разъяснении своей позиции и пытаются ее охарактеризовать.

³² Как одно из базовых понятий в политической философии оно впервые встречается в начале XIX в., после того как стали очевидными опустошительные последствия французской революции. В 1818 г. Франсуа-Рене Шатобриан и другие публицисты учредили политический журнал «Le Conservateur», с 1832 г. британские тори стали называться «Conservative Party».

Консерватор несет службу *memoria*³³ - службу памяти и верности этой памяти, сохраняя ее от забвения. Верность традициям – пусть даже в более современной форме³⁴ - консерватор считает своей первой и важнейшей задачей, которую он в то же время понимает как служение обществу, в котором он живет. В английском языке эта позиция также характеризуется словом «conservationist». При этом имеется в виду позиция, никак не обусловленная какой-то теорией, чего скорее можно ожидать от «conservative», но и у таких «консерваторов» теоретический посыл встречается очень редко, что вовсе не означает, что «conservative» не способен к глубокой рефлексии.

II. Консерватор тонко чувствует весомость реального, исторически сложившегося – того, что было, прошло, забыто, и всего того, что сослужило хорошую службу и заслуживает сохранения в будущем. В этом он нередко противостоит обществу, устремленному в будущее и жаждущему новшеств, нередко слишком охотно поддающемуся манящим футуристическим соблазнам. Следуя своим убеждениям, консерватор сопротивляется этим умозрительным соблазнам: то, что было и что есть, обладает непреходящей ценностью, это не пустяки, об этом стоит помнить, эти вещи стоит принимать во внимание, хотя и не без критического анализа.

Своей позицией консерватор оказывает давление на новации, заставляя искать им оправдание в сравнении с традицией³⁵. «Консерватизм подпадает под правило распределения бремени доказывания, согласно которому – будь то в науке или в политике – обоснования требует прогресс, а не традиция»³⁶. Характерное для консерватора убеждение, состоящее в том, что ощущение значимости прошедшего, которому грозит забвение, является не идеализацией прошлого – порой она имеет место, но тогда консервативная позиция становится романтической ностальгией, – а представляет собой скепсис в отношении всего революционного³⁷, целью которого якобы является начало совершенно новой истории.

Консерватор знает, что такие предприятия всегда заканчиваются крахом. Пусть история – это тяжкое бремя, но освободиться от него невозможно. Тем не менее, консерватору свойственно

³³ Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. S. 42: «Как доверенное лицо *memoria*, консерватизм в мире, где все преходяще, где постепенно стираются память, традиции и постоянство, хотя бы уже по причинам сохранности и из соображений экономической эффективности, совсем не обязательно является тем, что ему приписывает образованная часть его гонителей: аффирмативной теорией, замкнутой на сохранении статус-кво, он – сопротивление».

³⁴ Böhr Ch. Was ist konservativ? // Was ist konservativ? Eine Spurensuche in Politik, Philosophie, Wissenschaft, Literatur. Nordhausen, 2013. S. 42-43.

³⁵ Bossle L. Das Verhältnis des Konservatismus zur Moderne // Kampf um die Mitte. Der Moderne Konservatismus nach dem Scheitern der Ideologien. München, 1999. S. 327-328, здесь S. 331: «Консерватизм в эпоху модерна – это не атавизм, не историческое прошлое; модерн со своей логикой прогрессивной эмансипации ввел в историческую повестку дня Современный консерватизм, каким мы его хотим понимать, как необходимую инстанцию контроля. В этом смысле консерватизм сам является детищем модерна».

³⁶ Lübke H. Grundregeln konservativen Verhaltens // Die Herausforderung der Konservativen. S. 154-155, здесь S. 155.

³⁷ По этой причине в Германии движение «консервативной революции» - см. выше сноски 21 и 22 – 1920-1930-х гг., если его представители вообще пытались разъяснить свои позиции и если это выражение использовалось не просто как политико-полемика боевой лозунг, всегда сталкивалось с большими трудностями, когда приходилось объяснять смысл этого оксиморона.

понимание, которое Джузеппе Томази ди Лампедуза высказывает в романе «Леопард»: «Если мы хотим, чтобы все оставалось так, как есть, нужно, чтобы все изменялось»³⁸. Может быть, в этом смысле Кальтенбруннер тоже становится на сторону оксиморона и высказывается в пользу перспективного консерватизма: «Критический вопрос в адрес всякой будущей консервативной теории будет... звучать так: как она определяет великие задачи консерватизма – как простое сохранение существующих остатков порядков прошлого или же как создание нового строя, при котором сохранение будет возможным и разумным? В первом случае это будет беспомощное времяпрепровождение малодушных людей, желающих как можно медленнее растрчивать то, что имеют. Во втором же случае это будет перспективный консерватизм, ориентированный на использование еще не раскрытых возможностей, на обновление, творчество и возрождение»³⁹.

Но при этом возникает вопрос: может ли эта позиция действительно называться консерватизмом, ведь здесь речь идет о создании нового, или возрождении того, что затем следует сохранять? Разве не всякий, кто создает что-то новое, желает, чтобы сохранялось то, что он считает своим творением? Здесь консерватизм действительно – говоря словами Молера – рискует окунуться в ночь, где все кошки серы, то есть в которой останутся одни лишь консерваторы.

III. Консерватор часто – и даже по большей части – является скептиком. Он не доверяет новому и всему, что выдает себя за «прогресс». Он постоянно задает вопрос: что такое прогресс? Изобретение гильотины – это для человечества прогресс, как утверждал ее изобретатель Жозеф-Игнас Гильотен, а вместе с ним и вожди французской революции, которые на самом деле так думали, поскольку эта форма умерщвления людей, в отличие от прежних способов казни – повешения и отрубания головы мечом, – была якобы безболезненной и, значит, «более гуманной»?

Консерватор не доверяет тому, что объявляется прогрессом, он с недоверием относится, кроме того, ко всем бурным восторгам по поводу мнимых улучшений, ко всем обещаниям посюстороннего прекрасного будущего, счастья и благоденствия. Он старается противостоять соблазну броситься в объятия нового уже потому, что оно «новое». Таким образом, консерватора и скептика объединяет вопрос о цене «прогресса». Убеждение консерватора состоит в том (говоря словами Николаса Гомеса Давила), что «современный человек, занимаясь строительством, разрушает больше, чем когда просто разрушает»⁴⁰.

Здесь кроется источник характерной для консерваторов культурно-цивилизационной критики – прежде всего, она возникает тогда, когда современность ощущает свое превосходство над прошлым.

³⁸ Tomasi di Lampedusa G. Der Leopard. München, 1959. S. 32.

³⁹ Kaltenbrunner G.-K. Prospektiver Konservatismus. Vorläufige Bemerkungen zu einer konservativen Theorie // Konservativ – Chance und Zukunft. Neue Aspekte für Politik, Kultur und Weltanschauung. Innsbruck, Wien, München, 1979. S. 37ff, здесь S. 47.

⁴⁰ Gómez Dávila N. Es genügt, dass die Schönheit unseren Überdruß streift... Aphorismen. Stuttgart, 2007. S. 50.

В таких случаях консерватор склонен к тому, чтобы подвергать сомнению подобное чувство превосходства, может быть, даже предполагать обратное и оценивать современность не как эпоху подъема, неукротимого прогресса, а скорее как застой, если даже не регресс.

IV. Для консерватора характерно ярко выраженное, прямо-таки неутолимое стремление к четким масштабам. Он выступает против произвола, неразборчивости и бездумности, постоянно находясь в поиске масштабов жизни или, лучше сказать, в поиске жизненного порядка⁴¹, еще точнее – в поиске «правильного» порядка, соразмерного жизни и ее смыслу. То, что такой порядок действительно существует и его можно найти, соответствует глубокому убеждению консерватора, который – во всяком случае преимущественно – уже по этой причине оппонирует волюнтаристско-конструктивистскому мышлению постмодерна.

Откуда берутся такие масштабы жизненного порядка? Консерватор говорит: «сверху», «может быть, от Бога»⁴². В этом, как я предполагаю, состоит сердцевина консерватизма. Масштабы жизненного порядка, по убеждению консерватора, ни при каких условиях нельзя отдавать во власть человеческого произвола; чтобы их понять, необходимо углублять собственное мышление, хотя это и не всякому человеку доступно⁴³.

Масштабы – это обоснование и контуры порядка, а значит – альтернатива хаосу и анархии. Некоторые консерваторы даже склонны к некой анархии, но то, что им порой нравится – это анархия мышления. Может быть, у них сумбурное ощущение жизни, но их сознанию анархия не свойственна⁴⁴. Напротив: беспорядок в обществе приводит их в ужас, отсутствие правил – не их стихия. Порядок в обществе, правда, должен следовать принципам, правомерность которых не обусловлена только лишь тем, что с этими принципами согласно большинство. Для консерватора основой общественного порядка является право, высший порядок, на который общественный порядок ориентирован.

---

⁴¹ Kaltenbrunner G.-K. Christlich = konservativ? // Der schwierige Konservatismus. S. 51ff, здесь S. 58-59: «Архиконсервативная склонность к порядку – одно из главнейших религиозно-творческих свойств человека; это вера в порядок как таковой, вера, ...уже практически не отличимая от фундаментальной веры человека в реальность».

⁴² Jäger L. Adieu, Kameraden, ich bin ein Gutmensch // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 13. Oktober 2011, полная цитата: «Быть настоящим консерватором – означает прежде всего две вещи: обладать чувством равновесия реальности; из этого сама собой вытекает умеренность. И не менее важная вещь: во всяком случае стремление к масштабам, ниспосланным сверху, может быть, от Бога. Но это дело каждого в отдельности, здесь не поможет ни партия, ни народный трибун». В этом смысле см. Также: Kaltenbrunner G.-K. Christlich = konservativ? S. 75: «Подводя итог, можно, наверное, сказать, что Бог, воспринимаемый как принцип и гарант порядка, является, в частности, консервативной концепцией, консервативной в очень формальном, если не сказать трансцендентальном смысле».

⁴³ Таков вывод Герда-Клауса Кальтенбруннера: Kaltenbrunner G.-K. Предисловие издателя // Konservatismus international. Stuttgart-Degerloch, 1973. S. 7ff, здесь S. 11: «Консерватору придется искать постоянство своих принципов, то, что он считает «вечным», в глубинах, которых обычное консервативное мышление редко достигает».

⁴⁴ Здесь уместно вспомнить о концепции анархиста как независимого индивидуалиста, изложенной Эрнстом Юнгером в романе «Эвмесвиль»; для Юнгера он – антипод анархиста, который лишь «следует тенью за власть имущими». Анархист как противник власти привязан к ней и столь же зависим от нее, как консерватор, являющийся критиком современности, к которой его протест неотрывно привязан.

Только право наделяет легитимностью строй жизни и общества. *Nota bene*: право, а не закон, который всегда может быть обращен против права. «Право и порядок»: консерваторы часто называли и называют их на одном дыхании, иногда упуская из виду, с какой легкостью эта фраза может быть извращена, может быть выхолощен ее исконный смысл. «Правом» в этой связи консерваторы называют то, что безусловно предшествует всем действиям и решениям человека. Консерватор понимает право в том смысле, что он думает в мире о Боге, когда говорит о Человеке. И эту максиму он считает источником всей политической и государственной легитимности.

V. Все это означает следующее: консерватизм изначально и прежде всего ориентирован на антропологию и лишь потом – возможно, на втором этапе, если это вообще возможно – на политическую теорию. Антропология консерватизма защищает человека как масштаб всякой политики и не приемлет идеологии и интересы, если они становятся решающим импульсом для политики, угрожая таким образом существующим идентичностям⁴⁵.

Поэтому консерватизм в Европе – как в Западной, так и в Восточной – как правило⁴⁶, связан с христианской религией⁴⁷. Не потому, что христианство имеет склонность к консерватизму⁴⁸, а потому, что оно как ни одна другая религия ставит человека в центр внимания. Потому что христиане – и иудеи – видят в человеке творение Господа, и Божественное воплощение является сердцевинной христианского учения. Поэтому теоцентричность христианства в то же время является антропоцентричностью.

Где бы человек ни испытывал страдания – или даже, как предлагают некоторые биополитики, следует создать «нового человека», - консерватор всегда стоит на стороне реального, живого, страдающего человека, защищая его в том числе от государственных и политических невзгод. Консерватор не идеализирует человека, напротив: он знает, говоря словами Иммануила Канта, что человек вырезан из кривого дерева⁴⁹; но в то же время он знает, что достоинство человека

---

⁴⁵ Rohrmoser G. *Konservatismus und Christentum heute // Konservatismus in der Strukturkrise*. Frankfurt a.M., 1987. S. 221ff, здесь S. 238-239: «Никого нельзя заставлять подвергать свою идентичность угрозе в коллективных процессах. Если кто-то хочет назвать эту позицию консервативной, пусть называет, это является элементарным условием человечности. Но она также является обязательной гранью, отделяющей христианство от любой формы светской эмансипации».

⁴⁶ При этом нельзя отрицать, что существуют также антихристианские консерваторы, критикующие религию «справа»; *Antichristliche Konservative. Religionskritik von rechts*. Freiburg im Br., 1982.

⁴⁷ В этом смысле следует понимать признание Гюнтера Рормозера: Rohrmoser G. *Deutschland am Wendepunkt: Geistige Erneuerung oder Niedergang? // Geistige Wende. Christliches Denken als Fundament des Modernen Konservatismus*. München, 2000. S. 378ff, здесь S. 386-387: «В Германии существуют три крупных консервативных течения, с которыми я связываю свои надежды. Наряду с либеральными консерваторами, которые защищают Социальную рыночную экономику как от социалистических, так и от турбо-капиталистических тенденций, и наряду с национал-консерваторами, которые противопоставляют мультикультурному обществу и диригистской, порой недемократичной Европе открытое миру национальное государство, я надеюсь прежде всего и несмотря ни на что на христиан».

⁴⁸ В этом плане верным является замечание Рормозера: Rohrmoser G. *Konservatismus und Christentum heute*. S. 221: «Христианская вера и истина, на основе которой она выстроена, не является ни консервативной, ни прогрессивной, что не исключает, что в меняющихся исторических условиях и ситуациях она может быть консервативной или прогрессивной, или – хотя и в разных смыслах – одновременно и такой, и другой».

⁴⁹ Kant I. *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. 1784. A 397.

неприкосновенно. Поэтому он видит в нем, в человеке, высшую из всех ценностей, достойных защиты. Поэтому он сакрализирует не общество, не власть и не государство, а лишь их единственную антропологическую легитимацию, дающую смысл их существованию, то есть человека – или, говоря лучше и точнее, человеческую личность с ее духовным стержнем, который составляет основу святости, сакральности личности – ее неприкосновенности⁵⁰.

Сегодня это ставит консерватора в критическую оппозицию ко всем попыткам биополитики, направленным на то, чтобы позволить третьим лицам распоряжаться жизнью – рожденной или не рожденной, слабой или сильной, больной или здоровой. Консерватор с недоверием относится не только к обещаниям генной инженерии и биотехники, но и видит в них угрозу святости жизни, которую необходимо в любом случае отвести. Если решения о человеческой жизни будут зависеть от воли третьих лиц, будь то распоряжения парламентов или решения экспертов, консерватор будет протестовать: он противостоит попыткам «улучшить» человека, так же как и предложениям об эвтаназии людей, уставших от жизни.

Понимание антропоцентрики подводит его к образу человека, согласно которому безусловная ценность и защита жизни не подлежат никаким сомнениям, то есть ни при каких условиях не могут быть отменены или даже просто ограничены⁵¹. Ведь он понимает: «Государство, создающее права человека, может также права человека отменить»⁵². От разрушения, в том числе собственными руками, человек остается защищен лишь тогда, когда телесная неприкосновенность и духовная целостность его жизни ценятся выше, чем все другие конституционные ценности.

VI. Василий Васильевич Зенковский писал в 1948 г. в первом томе своей «Истории русской философии»⁵³: «Русская идея» - Зенковский говорит о «Russian thought», русском мышлении – антропоцентрична; на первом месте стоит человек; ее тема – человек, и поэтому она «панморальна» и «панисторична»; она направлена на единство мышления и жизни⁵⁴, человека и истории. Для консервативного мышления в плане сохранения ценностей из этого вытекает следующее: спасать надо не структуры, сохранять надо человека как центральное звено истории.

---

⁵⁰ Подробнее и глубже об этом см.: Schweidler W. Über Menschenwürde. Der Ursprung der Person und die Kultur des Lebens. Wiesbaden, 2012.

⁵¹ Spaemann R. Es gibt kein gutes Töten, 1997 // Grenzen. Zur ethischen Dimension des Handelns. Stuttgart, 2001; а также другие статьи из этой книги по данной теме.

⁵² Hinske N. Ohne Fußnoten. Prämissen und Folgerungen. Würzburg, 2000. S. 57.

⁵³ Zhenkovsky V.V. A History of Russian Philosophy. London, 1953. P. 6: „If I were to offer an general characterization of Russian philosophy ... I should emphasize the anthropocentrism of Russian philosophic thought. Russian philosophy ... is above all occupied with the theme of man, his fate and career, the meaning and purpose of history“.

⁵⁴ Ibid. P. 7: The anthropocentrism of thought has a profound motivation – the impossibility of ‚separating‘ the theoretical and practical spheres“. Зенковский напоминает об уникальности слова «правда», выражающего невозможность разделения теории и практики, и продолжает: „The anthropocentrism of Russian philosophy constantly impels it toward the discovery of wholeness, both as actually given and as ideally envisioned“.

Это консервативный подход, направленный – не у Зенковского, но по сути – против модерна, против тенденций к ликвидации человека. Эти тенденции прототипически воплощены в тоталитаризмах XX в. Адольф Эйхман говорил: человек – это лишь маленькое колесико в механизме⁵⁵, который называют историей или прогрессом, сегодня же говорят об инновациях. Если подорвать позиции человека, то это якобы лишь ускорит ход истории и построение «нового» общества: например, в соответствии с критериями принадлежности к определенной расе или определенному классу. Сегодня, в эпоху, которую многие называют постмодерном, придется добавить: или общества, состоящего из генетически «улучшенных» людей согласно новейшим научным познаниям.

«Русский персонализм»⁵⁶, как его понимают на Западе, и вообще любой персонализм ставит человека в положение вне властного порядка – вне всех систем господства и вне всяких претензий на распоряжение человеком, которые предъявляют третьи лица. Тот факт, что «властное государство» XIX в. и тоталитарная система XX в., бесцеремонно отринувшие этот основополагающий принцип, присутствуют в российской, а также германской истории, не противоречит этому подходу. Немецкий – в новое время опирающийся, прежде всего, на Канта – персонализм не смог предотвратить возникновение немецкого властного государства и тоталитарного режима, не говоря уж о его ликвидации. Такую философию как персонализм клеймили – и в России, и в Германии – как анахроничную, даже враждебную прогрессу и затем принесли в жертву «прогрессивной», в равной мере «антибуржуазной» и антигуманной альтернативе, то есть тоталитаризму. Уже не человек как центральный элемент истории задавал в тоталитарных системах XX в. масштабы политики и юрисдикции, а определенная, ориентированная на класс или расу, концепция прогресса устанавливала масштаб человеку и его истории. В таких обстоятельствах человек – это всего лишь марионетка исторических сил, колесико в механизме машины, которая работает по собственным законам. Его можно в любой момент уничтожить и заменить, если он не справляется со своей функцией.

VII. Консерватизм – это не традиционализм⁵⁷, не стагнация, не упрямство и уж никак не идеализация прошлого. Ностальгики – не консерваторы, не являются ими, и реакционеры, которые

---

⁵⁵ Цит. По: Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. S. 43; именно эту функцию – быть «всего лишь» маленьким колесиком в большом механизме – Адольф Эйхман потом использовал в свое оправдание на процессе в Иерусалиме. Arendt H. Über das Böse. Eine Vorlesung über Fragen der Ethik, 1965. München, 2006. S. 151: Ханна Арендт возразила на это: «В моральных вопросах речь идет о поведении отдельного человека, и это проявилось в том..., что уже не ставился вопрос: он был большим или маленьким колесиком в механизме?, а был задан вопрос: почему он вообще согласился стать колесиком? Что произошло с совестью?». Арендт участвовала в качестве наблюдателя в иерусалимском процессе 1961 г. по делу Эйхмана.

⁵⁶ О «русском персонализме» см.: Diskurse der Personalität. Die Begriffsgeschichte der ‚Person‘ aus deutscher und russischer Perspektive. München, 2008; а также: Gesicht statt Maske. Philosophie der Person in Russland. Wien, Berlin, 2012.

⁵⁷ Иначе у Карла Маннхайма: Mannheim K. Konservatismus. Ein Beitrag zur Soziologie des Wissens. Frankfurt a.M., 1984. S. 92ff.: традиционализм «как общечеловеческое свойство» выражается в том, «что мы упрямо цепляемся за привычное и неохотно переходим к новому».

любят представлять себя консерваторами, националисты, кстати, тоже к ним не относятся. Консерватизм как метаполитическая программа стоит вне политики, но может вдохновлять политику. Консерватизм – это духовно-поведенческая позиция⁵⁸, где человек рассматривается в контексте своей истории, и она может смешиваться и сливаться с другими течениями.

Консерватизм может сочетаться с другими идеями, выходя на сцену в виде либерального, национального, социального, радикального или умеренного консерватизма – в зависимости от того, как расставляются акценты при его преобразовании в политическую программу. Но в своей глубинной сути – даже используемый в политике – он всегда остается поведенческой моделью, внутренней установкой, определенным способом видения Бога, мира и человека.

Консерватизм и его политическое наполнение

Это одна сторона консервативного мировосприятия. Кроме этой формально-поведенческой стороны существует еще и другая, вторая сторона, позволяющая выявить политико-этическое значение консерватизма, когда метаполитическая программа консерватизма преобразуется в политическую программу. В этом случае Кальтенбруннер отождествляет понятие «консервативный» с понятием «правый»: правый – «это значит консервативный по содержанию, это этическая позиция, ставящая порядок выше справедливости, справедливость выше любви... Правый – это... также всегда утверждение... верховенства института над потребностью в эмансипации... Это не означает, что справедливость для правых не важна – уже история самих понятий... указывает на взаимосвязь между правым и справедливым; но в серьезной ситуации [правые] ... скорее будут бороться за несовершенный, но все же более или менее работающий порядок, который требует от человека самоотдачи и в то же время защищает его, чем за некую идеальную справедливость»⁵⁹. Эту позицию можно охарактеризовать как реализм, отвергающий все утопии – и прежде всего любые формы утопизма.

Сегодня в Западной Европе характеристика «правый» - это больше, чем просто ругательство, по значению это почти то же самое, что «фашизоидный» и «экстремистский». Если кого-то называют правым, он чувствует себя отнесенным в зону гитлеризма. Поэтому никто – ни один политический деятель, литератор или философ – не хочет называться правым. А тот, кто говорит, чтобы отмежеваться от правых, что представляет центр, как бы объявляет – исходя из коннотации политического термина «центр» - о своей определенной открытости влево, но никак не вправо.

---

⁵⁸ Следы этой позиции вне рамок – более или менее четко очерченного – консерватизма исследует: Brumlik M. Die Einheit im Geiste. Über den romantischen Impuls konservativer Grundströmung // Konservatismus in der Strukturkrise. S. 237ff.

⁵⁹ Kaltenbrunner G.-K. Christlich = konservativ? S. 55-56; иначе это видит Штефан Бройер: Breuer S. Grundpositionen der deutschen Rechten 1871-1945. Tübingen, 1999. S. 9: «Было бы ошибкой пытаться свести суть правого течения к единственному родовому понятию, будь то романтика, антимодернизм, консерватизм, Консервативная революция или пре-фашизм».

В частности, по этой причине – поскольку здесь действуют особые закономерности употребления политико-полемиических боевых терминов – отождествление понятий «консервативный» и «правый» в Западной Европе пользуется большей популярностью у противников консерватизма, чем у большинства самих консерваторов. Политическая слабость консерватизма⁶⁰ в западной части континента (имеется в виду отсутствие более или менее однородной политико-институционально-организационной формации) очевидна, в то время как, с другой стороны, «правые» политические организации – как, например, Национальный фронт во Франции – только очень условно и лишь в небольшой части могут считаться носителями идей консерватизма, потому что их идеология не укладывается в рамки консерватизма. Поскольку консервативные избиратели их поддерживают как партии протеста, чтобы дать выход своему недовольству, их деятельность нередко граничит с радикализмом. Пусть правые партии нередко воспринимаются как политический инструмент консерватизма; но при ближайшем рассмотрении это справедливо лишь в том смысле, что консервативные унастроения чаще встречаются в правом политическом лагере, чем в левом.

Так что, в конечном счете, сохраняется та неясность, о которой шла речь в самом начале нашего исследования: консерватизм остается расплывчатым понятием, с трудом поддающимся дефиниции. Многообразие форм его проявления со времен Великой французской революции практически не дает нам возможности точно определить его смысл. Общего согласия относительно содержания этого термина не существует, его нет даже среди его сторонников и представителей. Следы консервативного мышления порой обнаруживаются там, где их совершенно не ожидаешь – и, наоборот, есть течения, считающиеся консервативными, в которых отсутствуют важные признаки консервативного мышления⁶¹.

Это роднит консерватизм с другими понятиями, которые также приобретают более четкие контуры на политической арене: вспомнить хотя бы такие понятия как либерализм и социализм. Сколь различны, многообразны, зачастую противоположны толкования и модели поведения, собранные под этими понятиями! Там, где какое-то понятие используется не только для самообозначения, но и – даже гораздо чаще – для клеймения, диффамации и очернения со стороны противника, в разных контекстах проявляются смысловые признаки, которые настолько различны и даже противоположны, что логическое понимание данного термина становится невозможным. Именно в этом состоит смысл

---

⁶⁰ Hacke J. Auf der Strecke geblieben? Über das Verschwinden des Konservatismus als politische Ideologie // Zeitschrift für Politik und Gesellschaft. 5 (2015) № 3. S. 21ff, здесь S. 25. Автор называет нарастающую плюрализацию и явную деполитизацию немецкого общества – наряду с распадом консервативной среды, которая, например, еще существовала в Веймарской республике – причинами того, «что понятия «прогрессивный» и «консервативный» как подвижные термины для кодирования политических опций скорее отошли на задний план».

⁶¹ Меткое замечание: Klemperer K. (von) Konservative Bewegungen. S. 249: «История немецкого консерватизма показывает, что граница, при переходе через которую консерватизм нарушал верность самому себе, постоянно оставалась незамеченной».

боевых лозунгов, которые Штефан Бройер называет «пафосными формулами»⁶²: в содержательном плане они должны оставаться или становиться нечеткими и неясными, потому что их тогда удобнее использовать для обмена ударами. У философа в этом случае просто волосы встают дыбом, но политик не может обойтись без таких боевых понятий, и все требования о большей смысловой четкости тщетны, так как использование понятий в философии и политике подчинено совершенно разным критериям, не совместимым друг с другом.

Но это означает, что консерватизм как политический термин поддается определению лишь в конкретном историческом контексте. В XIX в. он имел совершенно иную направленность, чем в начале – а затем и в конце – XX в. Констатация необходимости исторической привязки смыслов относится, наверное, ко всем политическим терминам. В специфическом случае предпринятого здесь поиска содержания, связанного с консервативными установками, обнаруживается довольно мало общих моментов, если сравнивать XIX и XX вв. Защита господствующего положения дворянства, например, не имеет практически ничего общего с целями консервативной революции 1920-1930-х гг., и, тем не менее, оба этих течения безусловно и в равной мере считаются исторически значимыми формами проявления консервативного мышления.

Если отвлечься от неизбежной неопределенности этого обобщенного понятия в историко-политическом измерении с претензией на теорию, то ситуация с этим понятием в значении поведенческой модели иная – она гораздо лучше. Здесь вполне можно выявить общие признаки. Поэтому под консерватизмом, если отмежевать его от традиционализма и реставрации, в конечном счете преимущественно подразумевают внутреннюю, превратившуюся в убеждение установку – поведенческую модель. Действия, вытекающие из размышлений, на основе которых складывается поведенческая модель, называют максимами. Одна из таких максим – консерватизм. Как констатирует Хайек, он плохо подходит для преобразования в теорию, выходящую за рамки таких максим, или иными словами: консерватизм – это, прежде всего, индивидуальный, ставший моделью поведения образ мышления и действий, который в теории и на практике еще менее, чем для политической теории, пригоден для создания фундамента связной идеологии. В качестве модели поведения консерватизм способен обосновать максимы действий, но как теория он не в состоянии описать цели формирования общества, если только он сам не создаст общество, которое он намерен сохранять. Но тогда он неотвратимо столкнется с той самой дилеммой, о которой уже не раз говорилось выше.

---

⁶² Breuer S. Grundpositionen der deutschen Rechten 1871 – 1945. S. 13: «Понятия справа и слева стали просто пафосными формулами с большим морально-риторическим, но малым политическим содержанием».

БИБЛИОГРАФИЯ (BIBLIOGRAPHY):

1. Antichristliche Konservative. Religionskritik von rechts. Freiburg im Br., 1982.
2. Arendt H. Über das Böse. Eine Vorlesung über Fragen der Ethik, 1965. München, 2006.
3. Beyme K. (von) Konservatismus. Theorien des Konservatismus und Rechtsextremismus im Zeitalter der Ideologien 1789-1945. Wiesbaden, 2013.
4. Böhr Ch. Kommunikation: die politische Dimension eines Begriffs // Kommunikation in einer veränderten Welt. Theorien, Probleme, Perspektiven. Nordhausen, 2015.
5. Böhr Ch. Was ist konservativ? // Was ist konservativ? Eine Spurensuche in Politik, Philosophie, Wissenschaft, Literatur. Nordhausen, 2013.
6. Bossle L. Das Verhältnis des Konservatismus zur Moderne // Kampf um die Mitte. Der Moderne Konservatismus nach dem Scheitern der Ideologien. München, 1999.
7. Breuer S. Grundpositionen der deutschen Rechten 1871-1945. Tübingen, 1999.
8. Bromwich D. The Intellectual Life of Edmund Burke. From the Sublime and Beautiful to American Independence. Harvard, 2014.
9. Diskurse der Personalität. Die Begriffsgeschichte der ‚Person‘ aus deutscher und russischer Perspektive. München, 2008.
10. Epstein K. Die Ursprünge des Konservatismus in Deutschland. Der Ausgangspunkt: Die Herausforderung durch die Französische Revolution 1770-1806. Frankfurt a.M., Berlin, 1973.
11. Fontane Th. Der Stechlin. München, 1969.
12. Gómez Dávila N. Es genügt, dass die Schönheit unseren Überdruß streift... Aphorismen. Stuttgart, 2007.
13. Greiffenhagen M. Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München, 1971.
14. Hacke J. Auf der Strecke geblieben? Über das Verschwinden des Konservatismus als politische Ideologie // Zeitschrift für Politik und Gesellschaft. 5 (2015) № 3.
15. Hayek F. A. (von) Die Verfassung der Freiheit. Tübingen, 1971.
16. Hinske N. Ohne Fußnoten. Prämissen und Folgerungen. Würzburg, 2000.
17. Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus // Rekonstruktion des Konservatismus. Freiburg im Br., 1972.
18. Kaltenbrunner G.-K. Prospektiver Konservatismus. Vorläufige Bemerkungen zu einer konservativen Theorie // Konservativ – Chance und Zukunft. Neue Aspekte für Politik, Kultur und Weltanschauung. Innsbruck, Wien, München, 1979.
19. Kinzel T., Gómez Dávila N. Parteiläufer verlorener Sachen. Schnellroda, 2006.
20. Kirk R. The Conservative Mind. Chicago, 1953
21. Klemperer K. (von) Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, Wien, 1962.
22. Kondylis P. Konservatismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang. Stuttgart, 1986.
23. Liberalism versus Conservatism. The Continuing Debate in American Government. N.Y., Cincinnati, Toronto u. London, 1966
24. Mannheim K. Konservatismus. Ein Beitrag zur Soziologie des Wissens. Frankfurt a.M., 1984.
25. Mohler A. Deutscher Konservatismus seit 1945 // Die Herausforderung der Konservativen. Absage an Illusionen. Freiburg im Br., 1974.
26. Mohler A. Die französische Rechte. Vom Kampf um Frankreichs Ideologienpanzer. München, 1958.
27. Mohler A., Weissmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Ein Handbuch. Graz, 2005.
28. Person Jr. J. E. Russell Kirk. A Critical Biography of a Conservative Mind, Lanham, New York u. Oxford, 1999.

-
29. Ribhegge W. Konservative Politik in Deutschland. Von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart Darmstadt, 1989.
  30. Rohrmoser G. Deutschland am Wendepunkt: Geistige Erneuerung oder Niedergang? // Geistige Wende. Christliches Denken als Fundament des Modernen Konservatismus. München, 2000.
  31. Rohrmoser G. Konservatismus und Christentum heute // Konservatismus in der Strukturkrise. Frankfurt a.M., 1987.
  32. Schumann H. G. ‚Konservatismus‘ als analytischer Strukturbegriff // Konservatismus. Königstein, 1984.
  33. Schweidler W. Über Menschenwürde. Der Ursprung der Person und die Kultur des Lebens. Wiesbaden, 2012.
  34. Spaemann R. Es gibt kein gutes Töten, 1997 // Grenzen. Zur ethischen Dimension des Handelns. Stuttgart, 2001.
  35. Tomasi di Lampedusa G. Der Leopard. München, 1959.
  36. Zenkovsky V.V. A History of Russian Philosophy. London, 1953.